

слы были отведены к городским воротам, и им открыли ворота, и они пошли пешком, а греки (i Grè) расставили от ворот до дворца Влахерны англичан и датчан (наемников), вооруженных секирами; там они нашли императора Исаака одетым столь богато, что напрасно кто-нибудь захотел бы видеть человека одетого с большей роскошью. Императрица, его жена, весьма красивая дама, сестра короля Венгрии, находилась подле него; других же знатных людей и знатных дам, разукрашенных донельзя, было такое множество, что не представлялось возможности повернуться; и все те, которые за день перед тем стояли против него, теперь явились к его услугам.

Послы предстали перед императором Исааком, и император, и все прочие оказали им большое почтение, и послы говорили, что они желают пересговорить с ним надежде от имени сына и баронов армии. И он встал и пошел в отдельный покой, взяв с собой императрицу, своего камергера, драгомана и четырех послов. По согласию со своими товарищами Жофруа Виллардуэц, маршал Шампани, говорил императору Исааку: «Государь, ты видишь, какую услугу мы оказали твоему сыну и как мы выполнили перед ним заключенное с ним условие. Но он не может вступить в город, пока сам не выполнит условий со своей стороны. Он просит теперь, как ваш сын, чтобы вы утвердили его договор с нами в той форме и тем же способом, как он то сделал сам». — «Какой это договор?» — спросил император. «Нижеследующий, — отвечал посол, — во-первых, поставить всю Романскую империю в зависимость от Рима, от которого она отделилась. Потом, дать войску 200 тысяч марок серебра и съестных припасов на год, всем от мала до велика; отправить 10 тысяч человек на своих кораблях и содержать их на свой счет в течение года; и, наконец, иметь в Святой земле 500 рыцарей, которые охраняли бы ее, на своем иждивении, до самой смерти. Вот договор, заключенный нами с вашим сыном и скрепленный клятвой и печатями как его, так и Филиппа, короля Германии, вашего зятя. Мы желаем теперь, чтобы и вы также утвердили этот договор». — «Конечно, — от-

вечал император, — условия договора весьма велики, и я не вижу, как возможно их исполнить; но вы оказали такую услугу и мне, и ему, что если бы вам отдать всю империю, то и это было бы сообразно с вашей услугой». Много было сказано и других речей, но все это кончилось тем, что отец утвердил договор, заключенный его сыном клятвой и золотыми печатями. Грамота была вручена послам; простившись с императором, они возвратились в армию и передали баронам о совершенном ими деле.

После того бароны сели на лошадей и отвели царевича с великой радостью в город к его отцу, и греки открыли им ворота и приняли их с великим торжеством и восторгом. Радость отца и сына была необычайна, так как они давно уже не виделись, и от столь великой бедности, после тяжкого изгнания, были снова столь возвышены, прежде всего помощью Бога, а потом крестоносцев. Торжество было велико и в Константинополе, и в армии у пилигримов, вследствие славы и победы, дарованной им Богом. На следующий день император и даже его сын простили графов и баронов именем Бога расположиться на другой стороне гавани, близ Степопа, говоря, что если они останутся в городе, то это повлечет за собой столкновение между ними и греками, и город может быть разрушен. И бароны говорили, что они уже оказали им столь много услуг, что не откажут теперь в этой просьбе. Затем они переправились на другую сторону гавани и поселились там в мире и спокойствии, пользуясь изобильно всякого рода съестными припасами.

Вы легко себе представите, что многие из армии захотели видеть Константинополь, и богатые дворцы, и высокие церкви, которых там так много, и великие сокровища, которых не найдешь ни в одном городе в таком огромном количестве. Я не говорю о различных святыхнях: в одном этом городе их столько, сколько в остальном мире. Греки и французы сохраняли во всем великое согласие и торговали между собой. По общему приговору французов и греков было решено, чтобы короновать нового императора в праздник св. Петра. Как решили, так и сделали. Коронация происходила с теми